

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

HISTORY, THEORY AND METHODOLOGY OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-3-419-432

EDN: ZPRHGE

Несвоевременные мысли о культуре разнообразия*

М.С. Куропятник

Санкт-Петербургский государственный университет,
Университетская наб., 7–9, Санкт-Петербург, 199034, Россия

(e-mail: kuropjatnik@bk.ru)

Аннотация. Исследование феномена культурного разнообразия и сопряженных с ним моделей управления разнообразием, в том числе исторически сложившихся паттернов культурного доминирования, позволяет сформировать «иммунитет» к новейшим проявлениям евроцентризма. Как новая парадигма разнообразия интеркультурализм означает смещение фокуса с разнообразия культур и принципа мультикультурного сосуществования на культуру разнообразия, основными измерениями которой являются: осознание разнообразия, его признание, вовлеченность в контексты разнообразия, его репрезентация и создание большего количества общих публичных пространств. Концептуализация разнообразия как культуры, которая нуждается в поддержке соответствующих социальных институтов, позволяет сопрягать структурные изменения социальности и культурную перспективу. Другой важнейшей тенденцией представляется переосмысление культурного разнообразия: а) его дестигматизация как феномена сопрягаемого с Другими, с локусами экзотики и периферийности, и репрезентация как преимуществ в терминах творчества и культурных инноваций; б) концептуализация современных социальных и культурных контекстов в терминах суперразнообразия. В отличие от классических концепций мультикультурализма интеркультурализм сфокусирован на позитивных контактах между людьми как наиболее перспективном способе социальной интеграции и динамики в локальных контекстах суперразнообразия. Однако понимание этих процессов различается у сторонников политического (Ж. Бушар), социального (Т. Кэнтл) и культурного (Р. Запата-Барреро) течений интеркультурализма.

---

* © Куропятник М.С., 2023

Статья поступила 11.03.2023 г. Статья принята к публикации 15.06.2023 г.

В ситуации разрушения социальных структур и институтов интеркультурализм с его ориентацией на развитие межличностных контактов и выстраивание отношений через границы мог бы стать основанием для поиска компромиссов и взаимопонимания. Однако сформулированные в рамках интеркультурализма идеи и запущенные им процессы оказались «заперты» в западных контекстах, за пределами которых все более очевидна поляризация не только в политической, но и в культурной сфере. Эти тенденции подразумевают эпистемологическое и онтологическое различие Запада и России, продуцирование разрывов социокультурного пространства, паттернов эскалации схизмогенеза и культурной инкапсуляции, а также отказ от межкультурных контактов.

Ключевые слова: интеркультурализм; культура разнообразия; культурное разнообразие; позитивные контакты; паттерны культурного доминирования

Х. Арендт обратила внимание на трансформацию повседневных практик людей в логике «подстраивания» в контексте фашизации немецкого общества. Эта логика была вызвана к жизни «стремлением не отстать от веяний Времени», когда, например, «моментально сменило свои взгляды большинство публичных деятелей самых разных поприщ и культурных областей, и все это дополнялось необычайной легкостью, с которой рушились» социальные отношения [1. С. 55]. В условиях тектонических сдвигов, наблюдаемых сегодня во всех сферах жизни, тема культурного разнообразия во многом утратила свою актуальность. Речь идет не только о кардинальной смене содержания и тональности научных дискуссий, но и о возникновении множества контекстов, в которых научные идеи и концепты, сопряженные с изучением культурного разнообразия, уже не становятся источником социального и политического дискурса. Многие положения интеркультурализма как нового подхода к разнообразию сегодня представляются несвоевременными. Однако в ситуации разрушения социальных структур и институтов интеркультурализм с его ориентацией на развитие контактов мог бы стать основанием для поиска компромиссов и взаимопонимания. В любом случае, как заметил У. Ханнерц, исследование и, добавим, репрезентация разнообразия — лучшая прививка от евро- и этноцентризма [22. С. 49].

Как новая парадигма разнообразия, возникающая в последнем десятилетии, интеркультурализм интегрирует ряд теоретических направлений в логике частичного совмещения их проблемных полей, переосмысления концептов и дрейфа идей, создавая концептуальную карту, релевантную динамично меняющимся социокультурным контекстам XXI века. В условиях стремительного роста исследовательского поля наметилась тенденция подчеркивать новизну интеркультурализма как «принципиально иного концепта, отражающего новые реалии разнообразия» [16. С. 472]. Даже те исследователи, кто придерживается точки зрения на интеркультурализм как обновленную версию мультикультурализма, признают его эвристический потенциал — выход за рамки прежней модели мультикультурного сосуще-

ствования и большую ориентацию на развитие контактов и взаимодействий [24. С. 302; 25. С. 486–487] в контексте суперразнообразия и глобализации. Важно подчеркнуть, что в последнее время наметился сдвиг с обсуждения места интеркультурализма в дискурсе культурного разнообразия, определяемого его отношением к традиционным концепциям ассимиляции и мультикультурализма, к концептуализации самого интеркультурализма [27. С. 3] как нового подхода к разнообразию [23; 31], формируемого в пост-мультикультуральной перспективе.

От разнообразия культур к культуре разнообразия

Ключевым элементом интеркультурализма можно считать смещение фокуса внимания с «разнообразия культур», взлелеянного в лоне мультикультурализма и обернувшегося «видимостью» и осязаемым присутствием сообществ в социокультурном и политическом контекстах, на «культуру разнообразия» [33. С. 347], осмысляемую в логике процессуального подхода. Другими словами, речь идет уже не о мультикультурном сосуществовании по принципу «жить с разнообразием», а о поиске образа жизни «в условиях разнообразия» [16]. Культура разнообразия формируется в процессе взаимодействия людей с разными культурными основаниями и множественными идентичностями, а также приобретения ими опыта жизни в контексте суперразнообразия [26] — нового абсолютно для всех. В отличие от мультикультурализма, поддерживающего дискурс признания культурных различий, интеркультурализм акцентирует внимание на общности (*commonality*) [33. С. 347], возникающей благодаря вовлеченности в совместную деятельность. Привнесение этих идей в интеркультурализм сопровождается сдвигом от малопродуктивного постулирования «пропасти» культурных различий между европейцами и мигрантами, большинством и меньшинством в ходе утверждения и легитимации мультикультурализма к поиску новых смыслов и форм принадлежности в контекстах суперразнообразия, артикулируемых вне привычных коннотаций родства и происхождения. Этот сдвиг закрепляется в терминологии — культурный *background* в рамках интеркультурализма осмысляется как более значимое измерение разнообразия, чем этничность, религия или страна происхождения.

По мнению одного из наиболее влиятельных сторонников интеркультурализма Р. Запата-Барреро, культура разнообразия включает такие изменения, как осознание разнообразия, его признание, вовлеченность в контексты разнообразия, его репрезентацию и создание большего количества общих публичных пространств [34. С. 157]. Очевидно, что культура разнообразия концептуализируется и как продукт дискурса, и как процесс создания и репрезентации социальной реальности. Наряду с дискурсивным подходом к культуре, имплицитно отсылающим к идеям Н. Фэйрклоу

[18. С. 26], культура разнообразия представлена и как ожидаемый результат деятельности индивидуальных акторов и социальных институтов по созданию «контекстов совместной жизни». Этот концепт подразумевает переход от ставших тривиальными дискуссий о формах и степени разнообразия современных городов или обществ к обсуждению того, каким образом разнообразие может быть инкорпорировано в гражданскую культуру на уровне социальных институтов и повседневных практик [32. С. 31]. Концептуализация разнообразия не только как категории социального анализа и одного из современных контекстов, но и как культуры, которая нуждается в поддержке соответствующих социальных институтов [33. С. 347], позволяет сопрягать структурные изменения социальности и культурную перспективу. Однако признания культурного разнообразия в университетах и политических проектах мультикультурализма уже недостаточно, поэтому в дискурсе интеркультурализма обсуждаются возможные перспективы и формы признания разнообразия гражданами на основании приобретаемого ими интеркультурного опыта — «снизу», в локальных контекстах повседневной жизни [30. С. 7].

Методологический аспект интеркультурализма заключается в репрезентации контактов между людьми как наиболее перспективного способа социальной интеграции [33. С. 348] и основного драйвера европейской идентичности [24. С. 160]. Ориентация на развитие межличностных контактов становится столь значимой характеристикой интеркультурализма, отличающей его от классических концепций мультикультурализма [25. С. 486], что в ряде случаев интеркультурализм редуцируется к «техникам (способам) позитивного взаимодействия» [27. С. 8] или контактному подходу [29. С. 2, 16]. Концепт «позитивные контакты/взаимодействия» признается ключевым для интеркультурализма и релевантным его основным теоретическим направлениям [28. С. 163–164]. Однако содержание данного концепта различается у сторонников политического (Ж. Бушар), социального (Т. Кэнтл) и культурного течений (Р. Запата-Барреро) интеркультурализма. Ситуация осложняется и тем, что в дискурсе интеркультурализма термины «реципрокальные контакты», «техники позитивного взаимодействия», «межличностные контакты», «интеркультурный диалог» используются то как взаимозаменяемые, то как частично совпадающие.

Так, в рамках политического направления (Канады) речь идет о взаимодействии культуры большинства (граждан) и разнообразных культур меньшинств (иммигрантов) [13. С. 64], что привносит в интеркультурализм паттерны генерализации культуры и реификации группы — те самые «мультикультурные идола» (Р. Запата-Барреро), которые ранее определяли эпистемологические основания теории разнообразия. В теоретических рамках канадской модели интеркультурализма «парадигма дуальности» [24. С. 305] переопределяется в терминах поиска равновесия между лояль-

ностью и интересами граждан и правами иммигрантов, а признание «традиционных национальных ценностей» (а не только культур меньшинств) важнейшим аспектом взаимодействия приводит к смещению акцентов дискурса разнообразия в целом.

Европейские концепции интеркультурализма сфокусированы на межличностных контактах — как неформальных, так и предполагающих вовлеченность акторов в совместную деятельность. В отличие от интеркультурного диалога, ассоциируемого с переговорами, достижением соглашений и урегулированием конфликтов и имеющим четко выраженные социальные и политические коннотации [20. С. 11], «контакт» представляется рядом ученых более нейтральным термином [30. С. 10]. Если в концепции Т. Кэнтла позитивные взаимодействия понимаются как инструмент формирования «социальной сплоченности» (*community cohesion*) и новой гражданской культуры [14; 15], то в рамках культурного (или конструктивистского) подхода культурные контакты обретают коннотации творчества и инноваций [27. С. 8; 28. С. 164]. В последнем случае разнообразие представлено в терминах не традиции и этничности, а творчества, культурной трансформации, изменений, обновления, модернизации и даже культурного перформанса [28. С. 166]. Взгляд на культурное разнообразие как утрачивающее стигму периферийности и сопрягаемое с культурными изменениями и креативностью, ранее представленный в концепции креолизации У. Ханнерца [21. С. 65–78], становится релевантным в более широком контексте.

В отличие от мультикультурализма в сферу внимания интеркультурализма включен ряд фундаментальных достижений социальной антропологии, социологии и социальной психологии в изучении разнообразия и культурных контактов. Так, теория контакта Г. Оллпорта [10], длительное время находившаяся на периферии научных дискуссий, будучи интегрирована в теоретические рамки интеркультурализма [28. С. 160; 16. С. 474], обрела «вторую жизнь». Интерес к ней во многом обусловлен тем, что позитивные контакты, как свидетельствуют результаты многочисленных эмпирических исследований, действительно приводят к изменению установок, преодолению стереотипов и предрассудков [3], отказу от представления Других в ложном свете. То, что культурные различия могут быть усилены или ослаблены в результате контакта, убедительно продемонстрировал еще Г. Бейтсон [2]. Но способствует ли генерализация эффекта контакта, т.е. его перенос на других агентов, модусы и контексты [3. С. 193], если он развивается в позитивном ключе, формированию и расширению «зоны общих значений», сопрягаемой с культурой разнообразия? Среди сторонников интеркультурализма формируется убеждение, что культура разнообразия — это то новое для всех, что создается через контакты и как их результат [32. С. 15].

Интеркультурализм: способы формирования культуры разнообразия

Как социальный проект интеркультурализм ориентирован на создание «оптимальных условий» для развития позитивных контактов [34. С. 156] и их институциональную поддержку. Проблема в том, как моделировать эти условия и стимулировать контакты, тем более что опыт людей в этой сфере не всегда позитивный. Места, где живут и традиционно встречаются люди разного происхождения, — улицы, парки, рынки, «культурные перекрестки», которые также стары, как и городской образ жизни [17. С. 8], в рамках интеркультурализма понимаются как «публичные пространства контактов» [30. С. 8]. Социальная динамика в локальных контекстах суперразнообразия и отнесение интеркультурных инициатив к сфере ответственности местных органов власти и гражданского общества определяют содержание того «локального поворота», который связывают с интеркультурализмом.

Не менее важная задача — создание социальных условий для интеркультурных контактов в тех городских пространствах, где устойчиво воспроизводятся паттерны территориализации и инкапсуляции определенной культуры [30. С. 8], — в местах компактного проживания этнических сообществ, где возможно конституирование «другой социальности». Так, в ряде городов Германии, Франции и Нидерландов, в районах преимущественного проживания турецких иммигрантов, где «разнообразие оказывается у себя дома», будучи локализовано в том числе в мечетях и чайных домах, значимы именно локальные формы идентичности и принадлежности, которые вступают в диссонанс с опытом дискриминации и исключения на национальном уровне. Подобные тенденции отмечены и в местах компактного проживания мусульман в Великобритании. Такого рода соседства, сформированные по этническому или религиозному признаку в логике культурной инкапсуляции, воспринимаются местными жителями как своеобразный защитный «кокон» и при этом опираются на ресурсы транснациональных сетей [11. С. 2]. Продуцирование паттернов «параллельной жизни» приводит к ограничению контактов не только между иммигрантами и коренным населением, но и между этническими сообществами. Возникающие социальные границы только усиливаются сегрегацией в сферах занятости и образования, здравоохранения и культуры, когда отсутствие контактов с Другими оборачивается их демонизацией и нетолерантностью [16. С. 477].

В этой связи в фокусе внимания интеркультурализма оказываются социокультурные паттерны соседства, традиционно концептуализируемые в логике взаимного признания индивидов и групп, комплементарности [12. С. 178–187], но утратившие в крупных городах присущий им прежде социализирующий потенциал. Ревитализация соседских отношений в контекстах суперразнообразия рассматривается как один из инструментов социальной связанности и солидарности [34. С. 157]. Родственные

и семейные отношения неизбежно приводят к возникновению контекстов совместной жизни, где социальные отношения выстраиваются над различиями. Однако в публичных и академических дискуссиях эта тема традиционно обсуждается в логике проблемы толерантности и культурных различий, т.е. приверженности мигрантов культурным практикам и родственным конвенциям, кардинально отличающимся от «европейских традиций» [19. С. 9]. Несмотря на то, что такого рода представления часто являются продуктом социального воображения, они по-прежнему способствуют генерализации и эссенциализации культуры, что преодолевается в концепциях интеркультурализма, где романтические и брачные отношения понимаются в терминах взаимодействия людей с разным культурным опытом не в терминах «ограничений», а в логике реализации новых возможностей, т.е. акцент сделан на значимости родственных отношений в интеркультурном взаимодействии.

Интеллектуальные усилия интеркультурализма направлены на преобразование контекстов разнообразия, исторически сопрягаемых с социальным неравенством, отсутствием доверия и несправедливостью, в контексты, способные генерировать взаимопонимание и социальный капитал [30. С. 2, 7], — задача столь же амбициозная, сколь и трудно выполнимая. Прагматическая направленность интеркультурализма состоит в создании большего числа публичных пространств, где люди не только встречаются (например, в библиотеках), но и вовлекаются в совместную деятельность — проекты по преобразованию городской среды, занятия спортом, программы интеркультурного образования, профессиональная деятельность в компаниях и организациях. Особенно важны школы и университеты — как контексты множественных контактов и приобретения знаний. Например, во многих школах Великобритании наблюдается «балканизация», спровоцированная политикой поощрения различий и разделения по религиозному, этническому или классовому признаку. Т. Кэнтел предлагает развивать интеркультурные — в его версии «интегрупповые» — контакты на основе эмпирического обучения, вовлекая в этот процесс родителей и представителей разных сообществ. Эмпирическое обучение, которое отличается от практического непрерывным осмыслением и переоценкой ситуаций разнообразия, предполагает создание условий для «переживания» разнообразия не в алармистском, а позитивном ключе [16. С. 478], что в конечном счете должно способствовать тому, что люди будут чувствовать себя более комфортно. Создаваемые в европейских городах дискуссионные платформы и неформальные структуры [9. С. 101] в этом плане оказываются более эффективными, чем тренинги аккультурации и программы помощи мигрантам. Однако по-прежнему остается открытым вопрос, как избежать использования таких публичных пространств для репрезентации сообществами своих культурных притязаний и артикуляции культурных различий.

Итак, интеркультурализм сопрягается с социализацией и обучением [30], ориентированными на формирование через контакты «паттерна жить вместе» в контексте разнообразия (и суперразнообразия), а не сосуществования с Другими — этническими меньшинствами, иммигрантами. В рамках интеркультурализма формируется новое видение того, как «научиться жить вместе в условиях глобализации и суперразнообразия» [14. С. 2] — это известное выражение Т. Кэнтла становится лейтмотивом интеркультурализма. В его концепции социальной сплоченности прежний фокус мультикультурализма на преодолении неравенства и неблагополучия сопрягается с поиском способов выстраивания отношений «через границы», а не внутри них [16. С. 473]. И если разнообразие подобно мифическому двуликому Янусу [34. С. 157], то создание культурного нарратива о позитивном разнообразии способно изменить и установки, и паттерны поведения [16. С. 477]. Концепция социальной сплоченности, репрезентация разнообразия как преимущества и трактовка интеркультурализма как инструмента переговоров и достижения компромисса между единством и разнообразием вовлечены в формирование интеркультурализма как новой парадигмы разнообразия [32. С. 30].

Интеркультурализм: к новой концепции культурного разнообразия

Инструментальное значение интеркультурализма во многом определяется его усилиями по «доместикации разнообразия» в контексте глобального движения людей [34. С. 157]. Важным аспектом этой «доместикации» становится ребрендинг разнообразия, в том числе на основе стратегий символической инверсии, дестигматизации и включения в новые версии национальной идентичности, что требует преодоления дискурса Другого и артикуляции разнообразия как позитивной характеристики. Прежде всего, речь идет о преодолении тенденции использовать понятие разнообразия как эвфемизма для обозначения Других, все еще характерной для многих европейских контекстов [34. С. 155]. Символическая инверсия подразумевает своеобразное перевертывание противоположностей на шкале ценностей, смену акцентов социального дискурса — от репрезентации разнообразия, ассоциируемого с Другими, в терминах экзотики или опасности к артикуляции разнообразия как преимущества [29] в терминах творчества и инноваций.

Подобное смещение акцентов стало возможным в результате включения в теоретические рамки интеркультурализма положений об индигенизации разнообразия [23. С. 8] и мультипликации идентичностей. С одной стороны, индигенизация подразумевает признание культурного разнообразия фактором внутреннего развития национальных обществ, что свидетельствует о преодолении одного из давних заблуждений европейской мысли [4. С. 179]. С другой стороны, проникновение дискурса разнообразия в локальные контексты сопровождается приданием ему новых смыслов и включением науч-

ных концептов в локальные (индигенные) культурные конфигурации, что предопределяет связывание научного и ненаучного знания и онтологий множественными частичными отношениями. Параллельно в интеркультурализме происходит переход от признания доминирующего статуса национального нарратива к артикуляции значимости локальных репрезентаций и интерпретаций культурного разнообразия [34. С. 158].

Теоретическая рефлексия контекстов разнообразия в рамках интеркультурализма опирается на фундаментальные достижения социальной антропологии и социологии и осуществляется в логике «кластеризации» новейших концепций, таких как транснационализм, суперразнообразие и теория «социальной связанности» [33. С. 349]. Все это предопределило смещение на периферию научного дискурса «мультикультурных идиологов» (Р. Запата-Барреро) как эпистемологических оснований понимания разнообразия и управления им, а также переход от этно- (евро-) центристского и эссенциалистского взгляда на разнообразие и реификацию групп к признанию значимости индивидуальных культурных возможностей. Так, интеркультурализм в трактовке Р. Запата-Барреро акцентирует развитие индивидуальных возможностей и предпочтений, а также множественных траекторий социальной и культурной мобильности людей, которые больше не представлены исключительно как агенты своих «культур». Отличительной особенностью интеркультурализма становится артикуляция «равенства возможностей» как условия выбора образа жизни [28. С. 165].

Разнообразие как преимущество

Понимание разнообразия как преимущества (*diversity advantage*), не получившее развития в нормативном проекте мультикультурализма, характерно для городских исследований и менеджмента. Но именно в дискурсе интеркультурализма контексты разнообразия — ресурс и источник новых возможностей: для общества — генерируя новые формы принадлежности и социальной солидарности, для города или бизнес структур — продуцируя импульсы творчества и инноваций, социального и экономического развития, для индивида — создавая условия для реализации культурных возможностей [30. С. 9]. В городских пространствах, сопрягаемых с суперразнообразием, создается поле для индивидуальной избирательности и выбора, формируются условия, позволяющие актору стать бенефициаром ситуации. Так, в ряде земель Германии приняты законы, предусматривающие «интеркультурную открытость администрации» и предпочтения на рынках труда для соискателей с иммигрантскими корнями (20 % населения). В социальном дискурсе утверждается точка зрения, что более «разнообразная» рабочая сила позволяет получить доступ к новым сегментам рынка [23. С. 1, 8–9]. «Квотирование» персонала в структурах власти и управления, в организациях социальной сферы и руководстве компаний представлено как но-

вая стратегия — не только визуализировать локальные конфигурации разнообразия, но и заставить его «работать» [30. С. 9]. С другой стороны, более разнообразная среда, например города, привлекает людей с творческим потенциалом — речь идет о «дивидендах мобильности», о приобретенном опыте культурных обменов и взаимодействий в контексте суперразнообразия [34. С. 158]. В результате проекты управления разнообразием вытеснили программы аффирмативных действий (или позитивной дискриминации), весьма популярные, например, в США в 1980-е годы [23. С. 8–9]. Менеджер по управлению разнообразием становится влиятельной фигурой во многих транснациональных корпорациях, а их соответствие новым тенденциям — залогом не только успешного продвижения проектов, но и самой возможности их реализации.

Амплитуда подобных социальных проектов крайне широка: от управления разнообразием в сфере образования или бизнеса до репрезентации разнообразия в культурных нарративах — литературе, кино, искусстве. Парадокс в том, что в западных политических, экономических и культурных контекстах акторы не только побуждаются, но и принуждаются демонстрировать приверженность идее разнообразия, становящейся новым идолом современности. В дискурс разнообразия активно вовлекаются диаспоры и социальные медиа, бизнес-структуры и международные организации. Создается впечатление, что нередко разнообразие культивируется ради самого разнообразия. Необдуманное заигрывание с концептом разнообразия в политической сфере, включая злоупотребление инструменталистскими возможностями его «делового варианта» и расширение объема концепта, делает его уязвимым в аналитическом плане. Ведь если разнообразие всюду, оно также нигде — становится пустым лозунгом, который можно использовать практически в любых контекстах и как угодно [23. С. 3]. Эти тенденции имплицитно подразумевают определение критериев публичного пространства или социальной структуры, претендующих на статус культурно разнообразного, их артикуляцию и «встраивание» акторов разного уровня в логику доминирующего дискурса.

Вместо заключения

Новый подход к разнообразию, формируемый в рамках интеркультурализма, ориентирован, прежде всего, на европейский и канадский контекст, и вновь становится фатальным разрыв между способами концептуализации культурного разнообразия в западном мире и за его пределами. Например, набирают силу тенденции, которые подразумевают эпистемологическое и онтологическое различие Запада и России, глубоко сопряженное с институциональной структурой и исторически сложившимися фундаментальными способами европейского культурного доминирования [6]. Речь идет об отношении к России как Другому Европы (Запада), сопоставимом со структурой

ориентализма в понимании Э. Саида (и другими подобными феноменами), а также о присущих данному отношению стратегиях манипулирования «другими», в том числе представлении их в ложном свете [8. С. 16, 42–43]. Наблюдается «реинкарнация» расизма как «нового культурного расизма», например, категоризирующего русских или евреев как «зло» и выражающего уже не в психических или биологических, а в культурных терминах [5. С. 479]. В этой логике разворачиваются различные сценарии демонизации русских и всего того, что может быть идентифицировано и реинтерпретировано в терминах «русского мира». В современные социально-политические контексты громким эхом вернулись те представления о России как о «варваре у ворот Европы», сопернике, «азиатской стране» и аномалии, несовместимой с западными культурными классификациями, которые в той или иной форме муссировались в европейском дискурсе на протяжении пятисот лет [7. С. 128, 144, 149–153]. «Безотносительно к тому, какие социальные практики приобретали важность в тот или иной период (религиозные, телесные, интеллектуальные, военные, политические, экономические или какие-то иные), Россия неизменно рассматривалась как аномалия» [7. С. 153]. Вопрос даже не в том, какой образ России конструируется сегодня, а в том, каким образом этот глубоко укоренившийся в западно-европейской традиции взгляд на Россию, фокусирующийся на ее «инаковости» и в ряде случаев обретающий расистские коннотации, будет использован для «перезагрузки» европейской идентичности. В этом плане многогранная деятельность акторов макроуровня по формированию глобальной повестки, культурных политик и национальных идеологий через манипулирование информацией и использование перформативных возможностей дискурса, рассчитанных на долговременную перспективу, становится все более заметной.

Другими словами, в современных условиях наблюдаются беспрецедентные усилия по продуцированию разрывов социокультурного пространства, паттернов эскалации схизмогенеза (Г. Бейтсон) и культурной инкапсуляции, отказа от межкультурных контактов. В известном смысле речь идет о возвращении к прежним моделям дихотомизации, подразумевающим эпистемологическую и политическую организацию дискурса в терминах полярности нас и их/Других, субъекта и объекта. Наметившиеся в рамках интеркультурализма тенденции на выстраивание отношений через границы оказались «заперты» в западных контекстах, за пределами которых все более очевидна поляризация не только в политической, но и культурной сферах. И если позитивный опыт межкультурных взаимодействий, как убедительно продемонстрировали сторонники интеркультурализма, способствует преодолению стереотипов и предрассудков, то принуждение к отказу от контактов с Другими стимулирует проведение новых социальных (в понимании Ф. Барта) и реальных границ, стимулируя тиражирование феномена «Берлинской стены».

При этом проблематика Другого локализуется преимущественно в аксиологической плоскости, порождая своеобразное доминирование ценностей над экономикой. И если для А. Аппадурои проблема заключалась в том, что глобальные потоки глубоко разъединены [12. С. 27–47], то сегодня мы наблюдаем принципиально другую ситуацию — тиранию потока «культурных ценностей», смыслов и значений, сопрягаемых с этно- и медиаскейпами, формирующего и выражающего доминирование в сфере политики и экономики. На фоне эскалации напряженности использование в дискурсе разнообразия понятий, имеющих крайне негативные коннотации, и фреймирование ситуаций в терминах этничности становятся повсеместной практикой. Трактовка культурного разнообразия в научном дискурсе, в том числе в интуркультурализме, во многом не совместима с теми идеями, которые культивируются сегодня в общественных дискуссиях. Вопрос в том, станет ли интеркультурализм еще одной красивой академической концепцией, как это случилось с мультикультурализмом, или же сформулированные в его рамках идеи станут основанием для поиска компромиссов и взаимопонимания.

Библиографический список/References

1. *Арендт Х.* Ответственность и суждение. М., 2013 / *Arendt H.* *Otvetstvennost i suzhdenie* [Responsibility and Judgment]. Moscow; 2013. (In Russ.).
2. *Бейтсон Г.* Культурный контакт и схизмогенез // *Личность. Культура. Общество.* 2000. Т. II. № 3 / *Bateson G.* *Kulturny contact i skhizmogenez* [Cultural contact and schismogenesis]. *Lichnost. Kultura. Obshchestvo.* 2000; 2 (3). (In Russ.).
3. *Варшавер Е.А.* Теория контакта: обзор // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.* 2015. № 5 / *Varshaver E.A.* *Teoriya kontakta: obzor* [Contact theory: A review]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes.* 2015; 5. (In Russ.).
4. *Вьевьерка М.* Коллективная разность или смешение? // *Полиэтнические общества: проблемы культурных различий* / Под ред. С.В. Прожогина. М., 2004 / *Wieviorka M.* *Kollektivnaya raznost ili smeshenie?* [Collective difference or mixing?]. *S.V. Prozhogin (Ed.). Polietnicheskie obshchestva: problemy kulturnyh razlichiy.* Moscow; 2004. (In Russ.).
5. *Кравченко С.А.* Вызовы «современного зла» устойчивому развитию: запрос на сотрудничество научного и теологического знания // *Вестник РУДН.* Серия: Социология. 2022. Т. 22. № 3 / *Kravchenko S.A.* *Vyzovy "sovremennogo zla" ustoychivomu razvitiyu: zapros na sotrudnichestvo nauchnogo i teologicheskogo znaniya* [Challenges of “modern evil” for the sustainable development: A request for cooperation of scientific and theological knowledge]. *RUDN Journal of Sociology.* 2022; 22 (3). (In Russ.).
6. *Куровятник М.С.* Антропологическая перспектива изучения современности // *Вестник Санкт-Петербургского университета.* Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. 2012. № 2 / *Kurovjatnik M.* *Antropologicheskaya perspectiva izucheniya sovremennosti* [An anthropological perspective for the study of modernity]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Seriya 12: Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika.* 2012; 2. (In Russ.).
7. *Нойманн И.* Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004 / *Neumann I.* *Ispolzovanie Drugogo: "Vostok v formirovanii evropeyskih identichnostey* [Uses of the Other. “The East” in European Identity Formation]. Moscow; 2004. (In Russ.).

8. Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006 / Said E. *Orientalism. Zapadnye kontseptsii Vostoka* [Western Conceptions of the Orient]. Saint Petersburg; 2006. (In Russ.).
9. Цаненко И.П. Перспективные технологии интеграции иммигрантов // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 10 / Tsapenko I.P. *Perspektivnye tekhnologii integratsii immigrantov* [Promising practices of migrant integration]. *World Economy and International Relations*. 2019; 63 (10). (In Russ.).
10. Allport G. *The Nature of Prejudice*. Cambridge; 1954.
11. Antonsich M. Living in diversity: Going beyond the local/national divide. *Political Geography*. 2018; 63.
12. Appadurai A. *Modernity at Large. Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis; 1996.
13. Bouchard G. *L'interculturalisme: un point de vue quebecois*. Montréal; 2012.
14. Cantle T. *Interculturalism: The New Era of Cohesion and Diversity*. London; 2012.
15. Cantle T. Interculturalism as new narrative for the era of globalization and super-diversity. Barrett M. (Ed.). *Interculturalism and Multiculturalism: Similarities and Differences*. Strasbourg; 2013.
16. Cantle T. Interculturalism: 'Learning to live in diversity'. *Ethnicities*. 2016; 16 (3).
17. Eriksen T.H. *Globalization. The Key Concepts*. London; 2013.
18. Fairclough N. *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. London; 2003.
19. Grillo R. Preface. Grillo R. (Ed.). *The Family in Question. Immigrant and Ethnic Minorities in Multicultural Europe*. Amsterdam; 2008.
20. Grillo R. *Interculturalism and Politics of Dialogue*. Lewes; 2018.
21. Hannerz U. *Transnational Connections. Culture, People, Places*. London–New York; 1996.
22. Hannerz U. *Anthropology' Words: Life in a Twenty-First-Century Discipline*. London; 2010.
23. Joppke C. War of words: Interculturalism versus multiculturalism. *Comparative Migration Studies*. 2018; 6 (11).
24. Modood T. Multiculturalism, interculturalism and the majority. *Journal of Moral Education*. 2014; 43 (3).
25. Modood T. What is multiculturalism and what can it learn from interculturalism. *Ethnicities*. 2016; 16 (3).
26. Vertovec S. Super-diversity and its implications. *Ethnic and Racial Studies*. 2007; 30 (6).
27. Zapata-Barrero R. Interculturalism: Main hypothesis, theories and studies. Zapata-Barrero R. (Ed.). *Interculturalism in Cities. Concept, Policy and Implementation*. Barcelona; 2015.
28. Zapata-Barrero R. Exploring the foundations of the intercultural policy paradigm: A comprehensive approach. *Identities. Global Studies in Culture and Power*. 2016; 23 (2).
29. Zapata-Barrero R. Interculturalism in the post-multicultural debates: A defense. *Comparative Migrations Studies*. 2017; 5 (14).
30. Zapata-Barrero R. Rejonder: Multiculturalism and interculturalism: Alongside but separate. *Comparative Migration Studies*. 2018; 6 (20).
31. Zapata-Barrero R. Transnationalism and interculturalism: Overlapping affinities. Fossum J.E., Kastoryano R., Silm B. (Eds.). *Diversity and Contestations over Nationalism in Europe and Canada*. London; 2018.
32. Zapata-Barrero R. *Intercultural Citizenship in the Post-Multicultural Era*. Los Angeles–London; 2019.
33. Zapata-Barrero R. Methodological interculturalism: Breaking down epistemological barriers around diversity management. *Ethnic and Racial Studies*. 2019; 42 (3).
34. Zapata-Barrero R. Rebooting European identity: Intercultural citizenship for building the future of a diverse Europe. *Journal of Contemporary European Studies*. 2020; 28 (2).

---

* © M.S. Kurpyatnik, 2023

The article was submitted on 11.03.2023. The article was accepted on 15.06.2023.

Untimely thoughts on the culture of diversity*

M.S. Kuroijatnik

Saint Petersburg State University,
Universitetskaya Nab., 7–9, Saint Petersburg, 199034, Russia

(e-mail: kuroijatnik@bk.ru)

Abstract. The study of cultural diversity and relevant models of diversity management, including historical patterns of cultural dominance, helps to form immunity to the latest manifestations of Eurocentrism. As a new approach to diversity, interculturalism implies a shift in the focus from the diversity of cultures and multicultural coexistence to the culture of diversity. The main dimensions of the culture of diversity are awareness of diversity, recognition of diversity, engagement in contexts of diversity, and the creation of more common public spaces. Another important trend is rethinking the diversity: a) its destigmatization as a phenomenon associated with Others, with exotic and peripheral loci, and representation of diversity as an advantage in terms of creativity and innovation; b) conceptualization of contemporary social and cultural contexts in terms of superdiversity. Unlike the classical concepts of multiculturalism, interculturalism focuses on both positive contacts as the most promising way of social integration and social dynamics in local contexts of superdiversity. However, the understanding of these processes differs in the political (G. Bouchard), social (T. Cattle) and cultural (R. Zapata-Barrero) directions of interculturalism. Under the destruction of social structures and institutions, interculturalism focusing on the development of interpersonal contacts and relations across borders can become a basis for the search for compromises and mutual understanding. However, the ideas of interculturalism and the processes launched by it turned out to be ‘locked’ in Western contexts, outside of which polarization is obvious in both political and cultural spheres. These tendencies imply an epistemological and ontological distinction between the West and Russia, producing gaps in the social-cultural space, patterns of escalation of schismogenesis and cultural encapsulation, and the rejection on intercultural contacts.

Key words: interculturalism; culture of diversity; cultural diversity; positive contacts; patterns of cultural dominance